Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Остановимся на наклонной плоскости
По поводу покушения в Буффало
28 сентября 1901

Il Risveglio, год 2-й, №20

ru.anarchistlibraries.net

Остановимся на наклонной плоскости

По поводу покушения в Буффало

Эррико Малатеста

28 сентября 1901

Мак-Кинли, глава североамериканской олигархии, орудие и защитник крупных капиталистов, предатель кубинцев и филиппинцев, человек, санкционировавший расправу над бастующими в Хэзлтоне, пытки шахтёров Айдахо и тысячу гнусностей, ежедневно совершаемых против рабочих в «образцовой республике», тот, кто воплощал милитаристскую, завоевательную, империалистическую политику, в которую ринулась американская буржуазия, пал жертвой револьвера анархиста.

О чём вы хотите, чтобы мы скорбели, если не о судьбе, уготованной великодушному человеку, который – уместно или неуместно, с хорошей или плохой тактикой – принёс себя в жертву делу равенства и свободы?

Повторим это и в данном случае, как и во всех аналогичных: поскольку мы находимся в обществе волков, где насилие окружает нас и разит со всех сторон, мы, продолжая спокойно бороться за то, чтобы прекратилась эта ужас-

ная необходимость отвечать на насилие насилием, – хотя и желая, чтобы скорее наступил день, когда антагонизмы интересов и страстей между людьми можно будет разрешать человеческими и цивилизованными средствами, – бережём свои слёзы и свои цветы для других жертв, а не для этих людей, которые, становясь во главе эксплуататорских и угнетательских классов, берут на себя ответственность и идут на риск, связанный с их положением.

И всё же нашлись анархисты, которые сочли полезным и прекрасным оскорблять угнетённого, который восстаёт, не имея ни слова осуждения для угнетателя, понёсшего кару за преступления, которые он совершил или позволил совершить!

Это извращение, это нездоровое желание получить одобрение противников, или же неосмотрительная *ловкость*, которая хотела бы завоевать свободу пропаганды своих идей, добровольно отказываясь от права выражать истинное и глубокое чувство души, – более того, искажая это чувство, притворяясь не тем, что есть?

Я делаю это с сожалением, но не могу не выразить боль и возмущение, которые вызвали во мне и во всех товарищах, каких мне довелось видеть в эти дни, необдуманные слова, посвящённые *Agitazione* покушению в Буффало.

Чолгош – несознательный человек! Но знают ли они его? *Его поступок – обычное преступление, не имеющее ни одного из признаков, необходимых для того, чтобы подобный акт мог считаться политическим!*

Полагаю, что ни один государственный обвинитель – королевский или республиканский – не осмелился бы утверждать нечто подобное. В самом деле, есть ли хоть какой-нибудь повод судить о Чолгоше как о человеке, движимом личными интересами или личной злобой? Разве не ясно, что он действовал по мотивам общественного порядка и намеревался – с основанием или без основания, но, несо-

но революционный характер, который соответствует анархическим принципам.

Эррико Малатеста

мненно, искренне и самоотверженно – принести себя в жертву ради дела? И разве не эти элементы придают факту наиболее яркий характер политико-социального покушения?

Впрочем, неправильно говорить о преступлении в подобных случаях. Кодекс это делает, но кодекс создан против нас, против угнетённых, и не может служить критерием для наших суждений.

Эти факты – акты войны; и если война есть преступление, то она преступление для тех, кто в ней стоит на стороне несправедливости и угнетения. Преступниками могут быть, являются английские захватчики Трансвааля; ими не являются буры, когда защищают свою свободу, даже если защита была бы безнадёжной.

Поступок Чолгоша (могла бы ответить *Agitazione*) *нисколько не продвинул дело пролетариата и революции: Вместо Мак-Кинли придет Рузвельт, такой же, как и он, и всё останется как прежде, разве что положение анархистов станет немного труднее*. И, возможно, *Agitazione* была бы права; более того, в американской среде, насколько я её знаю, мне это кажется вероятным.

Это значит, что на войне есть ходы удачные и ошибочные, есть бойцы осмотрительные и есть те, кто, увлекаемые энтузиазмом, подставляют себя лёгкой мишенью врагу и даже компрометируют положение товарищей; это значит, что каждый должен советовать, защищать и применять ту тактику, которую считает наиболее пригодной для достижения победы в кратчайшее время и с наименьшими возможными жертвами; но это не может изменить фундаментального факта: ясно, что тот, кто борется – хорошо или плохо – против нашего врага и с теми же намерениями, что и мы, есть наш друг и имеет право – не, конечно, на наше безоговорочное одобрение, но на нашу сердечную симпатию.

Неважно, кем является борющаяся единица – коллективом или отдельным человеком, – моральная сторона вопроса от этого не меняется. Вооружённое восстание, предпринятое не вовремя, может нанести действительный или кажущийся ущерб той социальной войне, которую мы ведём, – так же, как и индивидуальное покушение, оскорбляющее народное чувство; но если восстание предпринято ради завоевания свободы, ни один анархист не откажет ему в своей симпатии, и прежде всего никто не осмелится отказать побеждённым повстанцам в звании политико-социальных борцов. Почему же должно быть иначе, если восставший – один?

Agitazione верно сказала, что бастующие всегда правы против хозяев, и сказала хорошо, хотя очевидно, что не все стачки разумны, ибо неудавшаяся стачка может при известных обстоятельствах вызвать уныние и дезорганизовать рабочие силы. Почему же то, что верно в экономической борьбе против хозяев, не должно быть верно в политической борьбе против правителей, которые ружьём солдата и наручниками жандармов хотят поработить нас для них самих и для капиталистов?

Здесь речь не о том, чтобы обсуждать тактику. Если бы речь была об этом, я бы сказал, что в общем предпочитаю коллективное действие индивидуальному – уже потому, что на коллективное действие, требующее довольно обычных средних качеств, можно более или менее рассчитывать, тогда как на исключительный героизм, по природе своей спорадический, требующий индивидуальной жертвы, рассчитывать нельзя. Сейчас речь о более высоком вопросе: речь о революционном духе, о том почти инстинктивном чувстве ненависти к угнетению, без которого мертвая буква программ ничего не значит, как бы ни были либертарными заявленные намерения; речь о том духе борьбы, без которого даже анархисты становятся ручными и кончают – тем или иным путём – в болоте легалитаризма…

Честно говоря, я не могу поверить, что статья *Agitazione* соответствует истинным чувствам редакторов этой газеты, и я слишком хорошо их знаю, чтобы быть уверенным, что их вдохновила какая-либо трусливая мысль о личном спокойствии. Для этого достаточно было бы промолчать. Они, должно быть, думали, что спасают относительную (ох! весьма относительную!) свободу пропаганды, которая в этот момент им оставлена; должно быть, думали, что служат интересам нашей партии, наших организаций, наших газет – всё это я считаю превосходным, но это не возмещает ущерба, который наносит измена собственным убеждениям.

Глупо ради спасения жизни разрушать основания жизни. К чему могут служить революционные организации, если дают умереть революционному духу? К чему свобода пропаганды, если больше не пропагандируют то, что думают?

И хуже всего то, что анархисты-антиорганизационисты, те, кто против участия в рабочей борьбе, против образования партии и так далее, не преминут сказать и поверить, что это угасание революционного духа есть следствие метода, который они не одобряют. Они не будут правы, но будут казаться правыми, и это повредит нашему делу больше, чем все возможные преследования.

По-моему, секрет нашего успеха в том, чтобы уметь сочетать революционный дух и революционное действие с повседневной практической работой; в том, чтобы уметь участвовать в малых битвах, не теряя из виду битву великую и окончательную. И мне это не кажется трудным.

Надеюсь, что друзья *Agitazione* сумеют заставить забыть минуту дурного вдохновения и сохранить газете тот чест-